

Андрей Санников

АНГЕЛЬСКИЕ ПИСЬМА

Первое письмо. Евгению Туренко.....	3
Второе письмо. Владиславу Дрожащих.....	3
Третье письмо. Марине Санниковой.....	3
Четвёртое письмо. Родителям.....	4
Пятое письмо. Екатерине Гришаевой.....	4
Шестое письмо. Альбине Тамаркиной.....	4
Седьмое письмо. Алёне Светушковой.....	4
Восьмое письмо. Василию Кузнецову.....	5
Девятое письмо. Евгении Извариной.....	5
Десятое письмо. Грише Алексееву.....	5
Одиннадцатое письмо. Виталию Кальпиди.....	6
Двенадцатое письмо. Фёдору Еремееву.....	6
Тринадцатое письмо. Виталию Кальпиди.....	7
Четырнадцатое письмо. Марине Санниковой.....	7
Пятнадцатое письмо. Ольге Мехоношиной.....	7
Шестнадцатое письмо. Наталье Стародубцевой.....	8
Семнадцатое письмо. Вите Корневой.....	8
Восемнадцатое письмо. Марине Санниковой.....	9
Деятнадцатое письмо. Марине Санниковой.....	10
Двадцатое письмо. Наталье Косолаповой.....	10
Двадцать первое письмо. Саше Шмакову.....	10
Двадцать второе письмо. Дочери.....	10
Двадцать третье письмо. Александру Петрушкину.....	11
Двадцать четвёртое письмо. Андрею Санникову.....	11
Двадцать пятое письмо. Адресат не указан.....	11
Двадцать шестое письмо. Роману Тягунову.....	12
Двадцать седьмое письмо. Адресат не указан.....	12
Двадцать восьмое письмо. Адресат не указан.....	12
Двадцать девятое письмо. Сергею Ивкину.....	13
Тридцатое письмо. Никанору Векшину.....	13
Перечень тех, кому написаны письма и тех, кто упоминается в этих письмах (в цитатах сохранена пунктуация, используемая авторами).....	14

Первое письмо

Где-то ночью книжка плачет,
очень хочет быть живой.
Вероятно – это мальчик
с повреждённой головой.

И кому он будет нужен,
если я умру возьму?
Типа кто обед и ужин
или денег даст ему?

Русская литература –
сумасшедшая жена.
В позапрошлом вышла, дура,
из девятого окна.

Второе письмо

Такой как бы ДК
ЦК АЗЛК,

и как бы коридор,
и как бы слышно хор.

Как люстры сны висят,
их где-то 50.

Среди всячих снов
летает Горюнов.

Его аэроплан
трещит, как целлофан.

Я выключаю свет -
и Горюнова нет.

Третье письмо

Птицебыки слезятся ночью
и в стёкла спальные глядят.
Они летают, но не очень
и то, когда отводишь взгляд.

К ним ходят женщины большие
с тремя глазами и без рук,
простоволосые, босые,
не для любви, а для разлук.

Четвёртое письмо

Вот если бы Элизиум такой:
дома 50-х над рекой
мордовской или русской, а земля -
газоны, или даже тополя.

Пятое письмо

и в нищем сентябре
в протянутом июле
в белёсом августе
повсюду ты одна

сидишь среди деревьев
на деревянном стуле
и улыбаешься
как будто из окна

Шестое письмо

Любовь

Пойду за лампочкой в поход,
а то перегорела,
когда я ей, как идиот,
показывал всё тело.

Куплю я новую себе,
а старую не брошу -
и у меня их будет две,
как у соседа Лёши.

Седьмое письмо

Погода ходит по двору,
как женщина моя.
Я ей сказал, что я умру -
она и не своя.

Она-то думала - у нас
июнь т.д. и дети.
А оказалось, что у нас
что мы одни на свете.

Восьмое письмо

Самолётик с белым калом
притворялся воробьём.
Он построен по лекалам,
но летает только днём.

У него моторчик медный,
а на крыльях тормоза.
Самолётик бедный-бедный,
а солёные глаза.

Девятое письмо

Глухонемая техничка I

Она идёт домой из магазина -
не замужем, здорова, как резина,
и белыми зубами из бетона
откусывает сразу полбатона

глухонемая Кондакова Ира.
Она живёт на Малышева/Мира,
а я живу на Мира 38,
второй этаж, квартира 28.

Десятое письмо

Глухонемая техничка II

Несмотря на эту рвоту
и фактический живот
Галя ходит на работу
на Оптический завод.

Это где-то полторашка
за буфет и коридор
плюс питание – супчик, кашка
и салат из помидор.

Одиннадцатое письмо

А ангелы мои
с прозрачными устами
стояли у двери
и трогали глазок,

и в скважину замка
дышали голосами
«открой нам, ну открой
и спой ещё разок

о нежных городах
из вяленого мяса,
о тайных деревнях,
сплетённых из травы» -

настаивали вы,
а я себя стеснялся

и пел, не поднимая головы.

Двенадцатое письмо

Путешественник

И плакало пологое лицо
в какой-нибудь Лапландии дебильной
и отклоненья были налицо
и компас пел, вращаясь, но не сильно.

Я ехал быстро, облетая вплавь,
приобретая разные товары,
диктуя, например: «Андрей, отправь
по адресу такому-то отвары».

Ямщик-ямщик, не ройся, не трещи
пакетом, сигаретом, зажигалкой!.. -
В какой-нибудь державинской ночи
я слушаю, закрыв глаза, жужжалку,

я озираю свой зернистый сон,
где пальцы у ступни у одеяла -
слова всё время зябнут. Вот озон,
вот наша степь и ночь уже настала.

Тринадцатое письмо

Кровь языка со вкусом глины –
протяжный, Раша, твой язык.
Он высунут до половины.
А я отвык.

Идите в жэ, пишите чаще! -
молчать, молчать, молчать, молчать! -
как будто Дант глядит из чащи
и можно молча отвечать,

как Мандельштам (или Кальпиди) –
и можно молча отвечать
и видеть или ненавидеть.
Молчать, молчать, молчать.

Четырнадцатое письмо

Ангел

Пустынные птицы поют в корабле,
а я не могу их найти.
Какие (метро затопило) пути
в подземной и нижней земле!

Какие (Марина!) какие (отстань!)
О, мой деревянный ковчег!
Не пой и не мучай меня, перестань,
забудь обо мне, человек...

Пятнадцатое письмо

Беда подходит и оглядывается
и за рукав берёт,
и улыбается, как блядство
(наоборот).

А очи изучают небо,
а очи очень солонны –
не надо этого (ни хлеба
и ни вины).

Шестнадцатое письмо

Прятки

Сентябрь не найдёт меня –
а я его предупредил.
Опять какая-то херня.
Тагил.

И даже Рома Тягунов -
(ну, ладно, ну, понятно) -
про это говорил - любовь.
Но говорил невнятно.

Семнадцатое письмо

Снеговые деревни –
вы зачем приходили в мой город?
Ели белый для вен –
бляди. Голод.

Я же ел с вами кровь –
о, отстаньте,
отходите в любовь.
Не молчи. Не молчайте.

Ты зачем искусала меня?
О, о – Екатеринбурга.
День идёт, 2 идёт*.
Спи, подруга.

Восемнадцатое письмо

Я напишу сценарий – выйди в кадр.
Сегодня я как Ивкин – но бухаю.
Я не упоминаю про татар -
но Рома Тягунов. Я знаю.

Марина, извини меня, прости –
но ты меня уронишь, как свинцовый
* из старообрядческой белой руки -
ну, как Сунцова.

Марина, отпусти меня теперь.
Найдите дверь (на-на) найдите дверь.

Девятнадцатое письмо

Над землёй поднимаются птицы –
но они состоят из земли.
Если я буду так относиться –
то и я никогда. Отвали.

Я ел воздух, противный, как мясо.
Я ходил по Свердловску в крови
на лице по колено. Неясно,

но понятно. Иди, позови.

О, Марина! Какие-то земли.
О, Марина! И эта вода!
Эти белые птицы объели –
потерпи, потерпи навсегда.

Двадцатое письмо

Вот и птицы пролетели –
тихо, погодите.
Если это дни недели –
на меня смотрите.

Если это ровный воздух –
отпусти меня.
Поздно, Господи, как поздно!
Понедельник дня.

Двадцать первое письмо

Но в этом книжном магазине,
куда я шёл к вульгарной Зине,
но грубый голос и еврейка -
не знаю рифму, пусть еврейка.

Она заканчивает в 8
ну-ну, ну-ну. Пусть будет 8.
Но не июнь. Но было лето.
Не это лето. Ну, не это.

Двадцать второе письмо

Кошка ходит и боится,
в комнате светло.
Вот июнь - июнь продлится -
и тогда свезло.

На дворе стоят качели,
кто-то в них сидит.
Говорит, что не успели
и на нас сердит.

Двадцать третье письмо

Есть на Урале город Кыштым.
Саша, не надо, мы очень темним
и говорим про себя, как про них.
Есть гениальная рифма проник.

Саша, ты знаешь же – я одинок.
Я умираю с тромбозом ног.
Эти лекарства долларов тыщ.
Есть гениальная рифма (прощай и) про нищ.

Ромка бы жив был, ну, Тягунов -
он написал бы про русских слонов.
Вот ты удерживаешь меня.
Я умираю, это херня.

Двадцать четвёртое письмо

Отстань, не бойся. Не грусти –
почти прости,

не бойся,

не грусти. Не слушай.

Но там же лучше.

Вот ты же понимаешь, что
почти ничто.

Я продевал, что было сил,
всё сделал, чтоб Господь простил.

Почти невидимый зазор.
Почти невидим до сих пор.

Двадцать пятое письмо

прикасаешься к стене
(как в говне)

а вовне не

прикасаешься к вине
(как во сне)

эти камни – кирпичи
снуют в ночи

только-только не кричи
не молчи

Двадцать шестое письмо

говорили про белую голову
с дыркой на темени
там свинец или олово
рифма про семени

(ещё говорил про какую-то
пожилую, но грубую женщину
но ещё говорил говорили про снег и про
смерти нет жена жена смерти нет)

Двадцать седьмое письмо

О, полиэтиленовые крылья!
Лететь нельзя, а вы меня закрыли!
Таскаю вас и постепенно горблюсь.
Всё больше вы и, в общем, что за совесть.

Но по ночам – у дочери в балкон
я выхожу и вылетаю вон,
в навязчивый, обширный, как Свердловск,
двуглазый сон. И запах – будто воск.

Лети. Лечу. А полиэтилен
как воды плещет около колен,
а над церквами и над гаражами -
нежгущееся, мажущее пламя.

Потом я прилетаю и курю
и сам с собой полночи говорю.
Спаси, Господь, я лживый ангел твой.
О, ветер – полиэтилен, не вой.

О, ветер! Приношу подмышкой слово –
вот скоро. Вот сейчас. Вот всё готово.
Вот слово и – я не Тебя боялся.
Вот все ушли. Не бойся. Я остался.

Двадцать восьмое письмо

Сколько беды – отойди, не хочу
ни говорить, ни думать.
Я почему-то не умер - молчу.
Рифма локоть.

Господи, слышишь ли Ты меня?
Господи,
день ото дня и день ото дня.
Но не сейчас, а после.

Близкие переиначат.

Господи, правда ли, что это Ты?
Грядки, цветущие эти кусты -
что-то значат.

Двадцать девятое письмо

Я был дико красивым мужчиной,
но меня убивали 2 раза.
Если в 1-й я знаю причину,
во 2-й я не вижу и сглаза.

Не убили, но так напугали
(надо рифму тянуть потомушто)
например – например, на вокзале
слева били ножом – да неужто?

Не дописывай эту строфу,
потому, что на самом-то деле –
2 цыгана убить не успели,
я лежал, обмочился. Ну - фу...

Тридцатое письмо

Сырая кровь идёт наружу
из-под ногтей.
Я думал, что я обнаружу
играющих детей,

которые кричат и кличут
воздушный змей.
А ангелы смеются, тычут.
Летают, кувыркаются. Не смей.

А кровь идёт. Полны карманы,
полны носки.
И у жены моей, как раны,
текут соски.

**Перечень тех, кому написаны письма и тех, кто упоминается в этих письмах
(в цитатах сохранена пунктуация, используемая авторами).**

Евгений Туренко :

Я ухожу, мой ангел, далеко –
петь рококо и квасить Сулико.
Клик такой же фраер, как и я,
любовь моя.

Неужели жили мы?
Ни «ау», ни «а»...

Владислав Дрожащих :

Гнёт первоначальный.
Моё время – тленьё.
Мой свидетель тайный
ангел изумленья.

Лётчик Горюнов

Марина Санникова

Родители

Екатерина Гришаева :

Учишься ничего не бояться,
Привыкаешь спать на голых досках,
Смотреть прямо в глаза, смеяться,
Говорить, когда, рассудив, не спросят...

Альбина Тамаркина

Алёна Светушкова

Василий Кузнецов

Евгения Изварина :

И я увидел свет
с восточной стороны,
и понял я, что нет
ни славы, ни вины.

Глухонемая техничка Кондакова Ира

Глухонемая техничка Галя

Григорий Алексеев (1959 - 1998) :

...ты мне не брат, медбрат! Ищи себе сестру,
что числилась за мной.

Виталий Кальпиди :

О, сад обида и тоска,
обида и тоска –
построен на сухом песке
из мокрого песка.

Я вижу снег, который видел Дант,
и псковский малочисленный десант,
и грязный командира камуфляж,
и крик его из рукопашной «Ляжь!»,
когда врубился он в разбитых кедах
в пятёрку черножопых моджахедов.

Фёдор Еремеев

Александр Блок (1880 - 1921) :

Идите все!..

Дант (1265 - 1321) :

Скажу про всё, что видел в этой чаще.

(пер. М. Л.)

Осип Мандельштам (1891 - 1938) :

Иль вырви мне язык – он мне не нужен.

Ольга Мехоношина :

Вода, шагающая в стену

И опадающая в сад,

Где георгины о колени

Ртом шевелят.

Наталья Стародубцева :

ты снишься мне легко

в прокуренных больницах

Роман Тягунов(1962 - 2000) :

Кто меня мучит,

Мутит мне кровь?

Кто меня учит

Слову «любовь»?

Я татарин, что за наказание?!

Сгинула в пучину татарва.

Сменяют имя городу Казани.

Россия! Родина!.. слонов, велосипедов, водорода...

Вита Корнева :

сидит в прокуренных трусах на химаре он знает нах

Сергей Ивкин :

...когда всем телом к тебе страна прижалась?..

Елена Сунцова :

любовь моя мой спам моё растение

Наталья Косолапова

Александр Шмаков (Сандро Мокша) 1952-1997 :

оранжевый дым обволакивал реку

нашей тоски и достаточно того,

что у нас было.

Дочь

Александр Петрушкин :

я полагаю что молчанья нет

Никанор Векшин (1904 – 1967) :

Как это небо высоко.

Как это небо далеко.

Как (неразборчиво) судьба

хохочет с каждого столба.

Просись, просись в мертвецкий рай.

... проснись, проснись, не умирай.